

Андрей Горных¹

Петровская Елена, *Безымянные сообщества*.
Москва: ООО «Фаланстер», 2012. 384 с.

«...(С)ообщество также объясняет нам и привлекательность самого коммунизма, несмотря на грандиозный крах, какой он потерпел ещё сравнительно недавно».

Елена Петровская

Люди не находятся «внутри» пространства – пространство само существует между людьми. Человеческое пространство есть игра дистанций, близости и дали. Книга Елены Петровской посвящена пространству, в котором возникает опыт сообщества. Как часто, как близко, какими способами необходимо приближаться друг к другу; в каких условиях совместной активности, при какой степени синхронизации опыта чтения или просмотра кино – одним словом, в каких зазорах между людьми возникает и удерживается та первичная теплота «чаяний», из которой рождаются коллективные формы жизни? И пусть это вопрошание не приводит к иным очевидностям, нежели очевидность *отчаяния*, в котором мы оказываемся в случае исчезновения условий, в которых это вопрошание возобновляется снова и снова, – ценность книги заключается уже в том, что она предлагает тончайшие «инструменты» измерения градуса этой «теплоты».

Самым актуальным контекстом книги выступает пространство постсоветского протеста. «Чувство локтя», возникшее на Болотной площади в Москве в декабре 2011 года. Ощущение совместности людей с самодельными транспарантами на протестных гуляниях в Москве в 2012-м; или, добавим, летом 2011-го в Минске, когда лишённые иных возможностей горожане выходили против власти буквально с голыми руками, аплодируя на улицах. Аплодируя прежде всего самим себе, эмпирически чувствуя вибрации спонтанной, рассредоточенной, перформативной общности. Проявление на самых разнообразных публичных площадках – от площадей и скверов до кафе и остановок общественного транспорта – ощущения стилистического единства, когда

¹ Андрей Горных – кандидат философских наук, профессор департамента медиа Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва).

акт самовыражения становится созвучен другим индивидуальным актам, когда лидерство от «профессиональных» политиков переходит к литераторам, публицистам, музыкантам. Книга служит своеобразным «закрепителем» этого текучего опыта, придавая ему глубину и ценность.

Точка зрения автора – взгляд поколения, укоренённого в 1960-х и пережившего «грандиозный провал» коллективных проектов в 1980-х, который завершился неолиберальной гегемонией 1990-х. Книга представляет собой редкий, если не уникальный случай философского текста, в котором три тематические линии, как струны, образуют созвучие, позволяющее нам уловить эту Историю не только в виде абстрактных схем.

Философия. Это, во-первых, философские попытки помыслить на месте распада массовых идеологических конструктов XX века, поверх прежних границ класса, нации, государства, возможность новой органической общности, основанной на разделённости «аффективных состояний» – боли, страдания, радости, удовольствия. Помыслить общность такого рода в качестве первичного – дознакового, до-идеологического – уровня социальности.

В этом контексте Елена Петровская актуализирует философские ресурсы понимания «новых человеческих общностей», находящиеся в стимулирующем созвучии с исторической реальностью. Книга Елены Петровской *Безымянные сообщества* – это прежде всего опыт близкого чтения современных философских текстов. Текстов, в которых предпринимаются попытки «отстоять саму возможность нового единства», мыслимость которого становится проблематичной в эпоху, когда, по словам Славоя Жижека, господствующая либеральная идеология готова немедленно объявить любые коллективные практики и формы утопического мышления рудиментами тоталитаризма.

Само название книги – *Безымянные сообщества* – очерчивает общие контуры такого мышления. Социальная реальность не есть совокупность индивидов, преследующих свой частнособственнический интерес и худо-бедно согласующих его с противонаправленными по сути интересами других. Но в не меньшей мере она не является и Обществом как продуктом тотализирующего мышления – гармоничным, гомогенизированным социальным целым (то есть отмобилизированной армией – военной или трудовой). Социальная реальность должна мыслиться как система сообщающихся сосудов, ходов сообщения между группами, множествами – как подвижная система со-обществ. Сама приставка «со-» указывает на то, что «чистого» общества не существует. Для любого общества найдется другое, исторически противопоставленное обществу. Особый способ их сосуществования и есть первичный социальный факт. Динамичная совокупность этих фактов образует историческую фактичность. Конститутивная соотносённость индивидов и групп есть то «со-», которое только и придаёт смысл понятию общества. Представление об обществе как таковом есть

продукт унификации, идеологического вытеснения (по сути, укоренённого в европейском национализме и милитаризме XIX века) конкретной исторической реальности.

Эти сообщества – безымянны, неназываемы, даже «неописуемы» (*Неописуемые сообщества* Бланшо – один из центральных текстов, обсуждаемых в книге Елены Петровской). И не только в силу деконструктивистского недоверия к фиксирующему потенциалу имени и прославления подвижных, процессуальных, зыбучих идентичностей. Но и вследствие особой чувствительности современной мысли к теме коммунизма. Слова Эдгара Морена, исключённого из компартии Франции за антисталинизм: «Коммунизм – это главная проблема и основной опыт моей жизни. Я никогда не переставал узнавать самого себя в выражаемых им настроениях и всегда верил в возможность создания иного общества и иного человечества»², – используются Бланшо в самом начале *Неописуемых сообществ* для обозначения той исторической атмосферы, в которой переключка слов «коммунизм» и «сообщество» (*communauté*) становится крайне проблематичной и даже начинает звучать как «языковой изъян».

Для мышления, выросшего на почве противостояния поколения 1960-х «авторитарным отцам» – в диапазоне от Сталина до де Голля, – слово «коммунизм» приобретает в высшей степени противоречивый смысл. С одной стороны, он прочно ассоциируется с тоталитарной Системой – от сталинской машины террора до безличного бюрократического аппарата Государства. С другой же стороны, служит выражением надежды – на фоне рушащейся политической псевдоутопии – на возвращение к подлинному смыслу коллективизма. Будь то советские оттепельные мечтания о возвращении к «ленинизму» как живой коммунистической мысли или практика европейских левых движений, эмблемой которых стал май 1968 во Франции.

Политика. С этой надеждой связана вторая линия книги – размышления над «политическим» в противоположность политике как идеологическому институту, основанному на представительской демократии. По мысли автора, способом существования новых сообществ, «множеств», является прямая демократия: непосредственное коллективное телесное действие, которое не могло бы быть перехвачено разного рода представителями и стать объектом манипуляций. В качестве точки привязки к актуальным событиям здесь служит обсуждение лозунга питерского литератора и левого активиста Павла Арсеньева «Вы нас даже не представляете», лозунга, ставшего эмблемой российского протеста 2010-х. Соответственно в книге предлагается и новое видение политической субъективности, основывающейся на различных идеях деперсонализации как условии возникновения коллективной субъективности (Фредерик Джеймисон, Паоло Вирно). Именно коллективные

² См. журнал *Le scarabée international*, № 3.

формы существования образуют пространство непредставимой рационально, непредставляемой политически, подвижной индивидуации, становления неэгоцентрической «самости», сингулярности. Коллективная субъективность выступает как эффект сингулярности в множественных «зонах конфликта» и взаимодействии «доиндивидуальных элементов», свободно пересекающих в практике границы классических единств (автономного эго, народа). Тщательная диалектическая работа с концептом сообщества как «индивидуализацией всеобщности» позволяет сформулировать парадоксальные тезисы об актуальности коммунизма именно в эпоху его краха: «Коммунизм перестал быть определяющим горизонтом современности. Но именно потому, что так случилось, он сохраняется как условие мышления о политике...» (с. 29). Тезисы, лежащие в русле общемирового интеллектуального тренда переосмысления идеи коммунизма.³ Тренда, отражающего реакцию на общемировой кризис неолиберализма.

В 2011 на обложке журнала *Тайм* появляется зримая метафора этого сообщества – персоной года объявлен собирательный образ «Протестующего» (прототип – Сара Мэйсон, 25-летняя участница движения «Захвати Лос-Анджелес»). Это воплощение сообщества позволяет расширить понимание протеста за рамки локальных авторитаризмов и понять их в контексте того системного авторитаризма позднего капитала, который порождает огромный дефицит общности, надежд и будущего у нового поколения в целом.

Эстетика. Самой фактурной нитью книги служат эстетические опыты: прочтение Пруста и Пелевина, разборы фотографических работ Бориса Михайлова и документального фильма Ланцмана и т. д., – заземляющиеся на опыт биографический, включающие самого автора в порядок повествуемой Истории. Так, Елена пишет о Пелевине: «...Наше “потерянное” поколение сумело реализовать себя – хотя бы отчасти – в этом литературном опыте... Для меня в нём сконцентрировано многое: утрата почвы под ногами, ощущение своей радикальной неуместности, вера, незаметным образом переходящая в цинизм», но и – «новое измерение эстетизиса», предпосылки «коммунитарности», создающие почву для настоящего сообщества (с. 292).

Здесь автор предлагает читателю глубокую и оригинальную концепцию образа как динамической формы, «ощущения протекания» смысла (Тынянов). Образ – это не визуальный объект, но «логика сгущений и смещений, агломераций и перестановок», это «вибрации», которые задевают само существо человека (с. 152). «Образ», достигающий наибольшей отчётливости в искусстве, – это «род связности», не поддающийся анализу, первоматерия социальности, из которой сделано произведение искусства. Как таковой образ располагается в той невидимой зоне, в которой формируется

³ См: *Коммунистическая гипотеза* (2010) Алена Бадью; *Идея коммунизма* (том 1 – 2010, том 2 – 2013); *Актуальность коммунизма* (2011) Бруно Бостильса и др.

собственно визуальное, – в пространстве «проявляющей коммуникации», где осуществляется «телесный контакт человека с миром ... соприкасаются мир и открытые навстречу друг другу сингулярности» (с. 136–137).

В магическом кристалле «образа» преломляются основные темы книги: «Образы изначально множественны ... они априорно социальны. Они социальны в том смысле, что постулируют связанность тех, кого сами же и проявляют. Если вообще допустимо говорить о субъекте образа, то всякий раз это общность. Коллективы чувствующие, грезящие, те, что замешаны на образах. Что замешаны в этих самых образах» (с. 145). «Образ» одновременно является воплощением «аполитического» в политике и выражением глубинной логики сообщества. Этот концепт придаёт цельность тому ряду блестящих эссе, из которых фактически состоит книга.

В конкретных исторических координатах идеал сообщества, образующий утопическое воображаемое книги, отсылает и к тому, что Жан-Люк Нанси называет «литературным коммунизмом» – пространством «разомкнутой» коммуникации, «перетекающих» друг в друга текстов. От йенских романтиков конца XVIII века до парижских сюрреалистов начала XX века, от русских формалистов до *неназываемого*, но явственно присутствующего лично для меня в тексте сообщества философов, которое во второй половине 1980-х сформировалось вокруг лаборатории постклассических исследований Валерия Подороги, – таковы исторические означаемые «внутреннего», «сокровенного», «художественного» опыта сопричастности, достигающего интенсивности той религиозности, знаками которой отмечена для автора вся европейская традиция – Руссо и Шлегель, Гегель и Маркс, Вагнер и Малларме и т. д. Сопричастности, где сама «утрата имманентности, близости, единства» (с. 20) оборачивается учреждающим со-общество со-бытием.

Каково значение книги сегодня, помимо её несомненной и долговременной философско-антропологической и культуркритической ценности? Сегодня, когда родившийся из «творчества масс» Координационный совет российской оппозиции, явивший образ прямой электронной демократии, тихо ушёл в небытие, не успев, к счастью, превратиться в ещё один орган, используемый представителями как инструмент капитализации своего политического имени (не говоря уже о судьбе новых сообществ и гражданской активности в других постсоветских странах, и прежде всего в Беларуси). Когда инициатива прямого коллективного уличного действия перехватывается проектами либо просто сомнительными (типа «СтопХам»), либо сомнительными в высшей степени (типа «ОккупайПедофиляй»), переключающими протест на вторичные, припудренные психологизмом или нацизмом симптомы системы (индивидуализм на дорогах как проявление хамства отдельных граждан или покупка «дешёвого» секса как следствие отхода от традиционных ценностей и наплыва инородцев и т. п.). Когда сами интеллектуально-художественные сообщества становятся всё более

дисперсными и люди предпочитают поодиночке встраиваться в новую экономику знаний или арт-рынок. Когда, как в ресторанном меню, каждый выбирает свою «карту чтения» и свой «плей-лист», что подрывает саму возможность «сообществ вкуса». В этих условиях – «преждевременного рождения» так называемого креативного класса – книга выполняет функцию «зеркала», которое задним числом может удостоверить появление новых исторических субъектов. Ведь возможность, которая систематически помыслена, практически участвует в создании условий собственной реализации. В этом смысле книга Елены Петровской – актуальный философский поступок.